

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Макс Галло

НОЧЬ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ

**БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
ПАРТИЙНЫХ ЭЛИТ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

1932–1934

Макс Галло

**Ночь длинных ножей. Борьба
за власть партийных элит
Третьего рейха. 1932-1934**

«Центрполиграф»

Галло М.

Ночь длинных ножей. Борьба за власть партийных элит Третьего рейха. 1932-1934 / М. Галло — «Центрполиграф»,

Трения внутри гитлеровского движения между сторонниками национализма и социализма привели к кровавой резне, развязанной Гитлером 30 июня 1934 года, известной как «ночь длинных ножей». Была ликвидирована вся верхушка СА во главе с Эрнстом Ремом, убит Грегор Штрассер, в прошлом рейхсканцлер, Курт фон Шлейхер и Густав фон Кар, подавивший за десять лет до этого мюнхенский «пивной путч». Для достижения новых целей Гитлеру понадобились иные люди. Макс Галло создал шедевр документальной беллетристики, посвященный зловещим событиям тех лет, масштаб этой готической панорамы потрясает мрачным и жестоким колоритом.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРОЛОГ	7
Речь Гитлера	11
Часть первая	13
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Макс Галло

Ночь длинных ножей. Борьба за власть партийных элит Третьего рейха. 1932 – 1934

*Какая буря бушевала ночью!
Снесло трубу над комнатою нашей,
И говорят, что в воздухе носились
Рыданья, смертный стон и голоса,
Пророчившие нам годину бедствий
И смут жестоких.*

Шекспир. Макбет, акт II, сцена 3.
(Пер. Ю. Корнеева)

*На ум опять приходит Ричард III.
Нет, со времен Ланкастеров, Тюдоров
Мы не видали столько смертных мук.*

Бертольт Брехт. Карьера Артуро Уи

*Ни для кого не было секретом, что на этот раз революция будет
кровавой. Когда мы говорили о ней, то называли ее «ночью длинных
ножей».*

*...Я нес ответственность за всю немецкую нацию, следовательно,
я один в течение тех двадцати четырех часов был высшим Верховным
судом немецкого народа.*

Во все времена и во всех странах бунтовщиков предавали смерти...

*Я велел расстрелять лидеров мятежа. Я также приказал
прижигать гнойник, порожденный внутренним и внешним ядом, до тех
пор, пока не задымится живая плоть.*

Адольф Гитлер. Речь 13 июля 1934 г.

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга представляет собой историческую повесть. Я попытался объяснить в ней не только общие причины и политический механизм описываемого крупного исторического события, но и воссоздать мысли и облик действующих лиц, их отношение к происходящему, а также напомнить о погодных условиях и окружающей среде, на фоне которых разворачивалась эта трагедия. Я выбрал такую форму потому, что она позволяет выйти за пределы сухого анализа и, в первую очередь, дать характеристику политического режима и обстановки, сложившейся в Германии того времени, которые, по словам Брехта, сразу наводят на мысль о шекспировской трагедии.

Для написания своей книги я использовал несколько источников – архивы Института современной истории в Мюнхене, документы расследования убийства тех или иных деятелей, газеты того времени, мемуары людей, принадлежавшим к обоим лагерям, и исторические исследования, посвященные как самим событиям 30 июня – 2 июля 1934 года, так и всему Третьему рейху в целом. Я также беседовал со всеми участниками той долгой ночи, с теми, кого сумел найти (основных и второстепенных), которые согласились ответить на мои вопросы, и побывал в местах, где разворачивались события.

Я перемешал все эти элементы и выстроил сюжет, в котором время смещается вперед и назад, прошлое перетекает в настоящее, а настоящее содержит элементы прошлого.

Удалось ли мне воссоздать драматизм и целостность событий тех дней, судить читателю. Книгу надо воспринимать такой, какой я хотел ее создать, – беллетризированным рассказом об историческом событии. Я хотел бы поблагодарить моего друга немецкого ученого Жака Келерна за ту помощь, которую он мне оказал.

Макс Галло

ПРОЛОГ

*Суббота 30 июня 1934 года,
конец дня.*

Во внутренний двор Штаделхеймской тюрьмы в Мюнхене врывается расстрельная команда СС. Группенфюрер (генерал-майор) Зепп Дитрих быстро идет по тюремным коридорам. За дверями камер люди, которые вчера еще были его товарищами или начальниками, вот уже несколько часов ожидают решения своей судьбы. Зепп Дитрих знает, что всех их ждет смерть. Отведя глаза, он прокричит каждому из них: «Фюрер приговорил вас к смерти за измену Германии. Хайль Гитлер!»

Не обращая внимания на их ругань и крики, он потребует, чтобы перед ним открыли следующую дверь. В это время первого заключенного уже вытащат во двор, где офицер СС, возглавляющий расстрельную команду Черной гвардии, прокричит: «По приказу фюрера – целься, пли!»

Эдмунд Шмидт, группенфюрер (генерал-майор) СА, камера 497: расстрелян.

Ганс Иоахим фон Шпрети-Вайлбах, штандартенфюрер (полковник) СА, камера 501: расстрелян.

Ганс Петер фон Хейдебрек, группенфюрер СА, камера 502: расстрелян.

Ганс Хайн, группенфюрер СА, камера 503: расстрелян.

Август Шнейдгубер, обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СА, полицейский префект Мюнхена, камера 504: расстрелян.

Через несколько часов в соседней камере двумя офицерами СС будет убит человек со шрамом на лице. Это – Эрнст Рем, рейхсминистр, один из основателей нацистской партии и начальник штаба СА. Одновременно с ним в Берлине будут убиты генерал фон Шлейхер, бывший рейхсканцлер, и его жена. Убийца-одиночка прикончит главу министерства связи Эриха Клаузенера, пустив ему пулю в спину в его собственном служебном кабинете.

Погибнут и многие другие, среди них: Эдгар Юнг, личный секретарь Франца фон Папена, вице-канцлера рейха, и Грегор Штрассер, соратник Гитлера с самых первых дней существования нацистской партии. Все эти люди, простые и знаменитые, будут убиты в промежуток между субботой 30 июня и понедельником 2 июля. Эта самая длинная ночь в немецкой истории, «ночь длинных ножей», станет свидетельницей уничтожения людей, которые когда-то были самыми близкими друзьями и помощниками фюрера, – Штрассера и Рема, генералов Шлейхера и Бредова.

В Третьем рейхе, как и во всем мире, появится много самых разнообразных версий, часто противоречащих друг другу, с помощью которых исследователи попытаются объяснить эти убийства. Будет отмечено, что все жертвы примут смерть от руки нацистов (это повторится и в будущем) во время выходных, когда высокопоставленные чиновники покинут столицу, оставив пустые министерства на подчиненных. Руководители страны станут недоступны, по крайней мере на несколько часов. Нацисты нанесут молниеносные удары, а редакторы газет в это время будут мирно спать, подписав в печать очередные номера своих изданий в полной уверенности, что в выходные дни никаких событий не произойдет. Большие города пусты, люди не ожидают никаких потрясений, общественная жизнь на нуле.

По всей Европе погода в субботу 30 июня и воскресенье 1 июля была солнечная и жаркая. В Ногенте в сверкающих водах реки отражаются отдыхающие, катающиеся на лодках. На берегу люди танцуют, – словом, все отдыхают и веселятся. В парках Лондона трава густа и шелковиста, люди ходят по ней босиком, там и сям лежат парочки.

Берега берлинских озер заполнены толпами отдыхающих – полногрудыми женщинами и русоголовыми детьми. Теплый ветерок колышет на пляжах нацистские флаги. Утром в субботу

берлинское радио сообщает, что температура воздуха поднимется до 30 градусов, но до самого вечера ни слова не будет сказано о расстрельных командах, которые скосят ряды штурмовиков.

В воскресенье днем, 1 июля, в Берлине царит покой, и люди, как обычно, гуляют по улицам или сидят в кафе. Унтер-ден-Линден заполнена никуда не спешащими парочками. В кафе «Кранцлер» нет ни одного свободного столика, и светлое пиво, ароматизированное малиновым сиропом (фирменный напиток берлинцев), льется рекой.

Безразличие публики к происходящему в стране кажется невероятным. Вечерние газеты сообщают о смерти нескольких руководителей СА, а на улицах видны грузовики с эсэсовцами в черных рубашках, но никто не обращает на них никакого внимания и не задается вопросом, зачем они здесь. Фюрер устраивает роскошный прием в садах Канцелярии. В столице царят мир и покой.

Встревожились только иностранные дипломаты и журналисты, которые, несмотря на всеобщее спокойствие, пытаются узнать и понять, что происходит. Из их офисов и министерств вылетает целый рой вопросов. Сколько погибло людей? Почему? Погиб ли Х или Y, бывший канцлер? Дипломаты и журналисты в шоке, они, не таясь, высказывают свое удивление и негодование. Андре Франсуа-Понсе, французский посол, всего лишь несколько дней назад обедал с капитаном Ремом, начальником штаба СА, но он находится в отпуске в Париже и может поделиться с министром иностранных дел лишь своими личными впечатлениями о пятидесятилетнем лидере СА из Мюнхена, который вступил в партию одновременно с Гитлером и который помог будущему канцлеру сделать первые шаги в политике.

«Я понятия не имел о политических маневрах Рема, – пишет Франсуа-Понсе. – Не знал я и о том, как далеко зашел его конфликт с Гитлером. Рем был мне всегда крайне неприятен, и я старался всячески избегать общения с ним, несмотря на его высокое положение в Третьем рейхе. Дело дошло до того, что руководитель протокола, граф фон Бассевиц, сделал мне замечание, и по его настоянию я согласился встретиться с Ремом и пообедать с ним. Нашу встречу никак нельзя было назвать сердечной, а беседу – интересной»¹.

Люди произносят шепотом имена погибших генералов, в особенности того, который в свое время был канцлером Германии, а также имена высокопоставленных чиновников. Иногда среди известных фамилий проскальзывает совершенно незнакомая – где-то обнаружили тело еврея или хозяина гостиницы. И снова звучит имя одного из основателей партии – самого Грегора Штрассера.

Все они были убиты бандами наемных убийц без каких-либо объяснений – холодно, бесстрастно и методично. Их расстреливали у дверей собственного дома, прямо на глазах у людей. Иногда пристреливали и жену, которая расплачивалась жизнью за неосторожное движение. Тела оставляли там, где они падали, – у входа в министерский кабинет, на обочине дороги – или бросали в лесное болото, где они лежали, наполовину покрытые водой. Через несколько часов приезжала полиция и увозила труп. Иные тела обнаруживали совершенно случайно несколько дней спустя. Штурмовиков убивали в Мюнхене, Берлине, Силезии. Отряды палачей работали в тюремных дворах. Сколько было убито – десятки? Сотни? Одни умирали с криком «Хайль Гитлер!» на устах, другие – с руганью. Одних приканчивали в постелях, других тащили в подвал, чтобы перерезать там горло. Неужели нацисты в эту долгую ночь начали уничтожать самих себя, как того требуют непреложные законы революции?

В Риме барон Помпео Алоизи, личный секретарь Муссолини, очень встревожился, ведь не далее как две недели назад он присутствовал на первой встрече дуче с фюрером, состоявшейся в Венеции. Тогда ничто не предвещало развернувшихся в Германии событий. Несмотря на отдельные слухи, СА по-прежнему казались одной из главных опор режима. Разве не коричневорубашечники со своим лидером капитаном Ремом помогли Гитлеру захватить власть и

---

¹ Франсуа-Понсе А. Воспоминания посла в Берлине. Париж, 1946.

разве не они контролируют сейчас улицы немецких городов? 1 июля Алоизи записывает в своем дневнике: «Репрессии оказались весьма масштабными. Из тринадцати командиров корпусов СА было расстреляно семь». Но когда Алоизи получил свежие новости, он удивился еще больше. Отто Штрассер, брат Грегора, назвал события тех дней «немецкой Варфоломеевской ночью». Муссолини не скрывал своего отвращения. «Аресты, – сообщил ему Алоизи, – сопровождались омерзительными сценами». Дуче, гордясь своей мужественной латинской внешностью, уже успел подметить характерную особенность событий в Германии. «Одна из особенностей этого мятежа заключается в том, что большинство его лидеров, начиная с самого Рема, были педерастами».

Андре Франсуа-Понсе, самый элегантный и умный из послов в Берлине, чувствовал, что в Реме есть что-то «отталкивающее». Французский посол, чье чувство собственного достоинства граничило с высокомерием и чьи манеры и ум отличались изысканностью, принял приглашение отобедать с Ремом. Их встреча ни для кого не была секретом. Обед обслуживал Хоршер, управляющий одним из самых лучших ресторанов Берлина. Франсуа-Понсе явился первым и ждал, когда придет капитан Рем. «Он явился в сопровождении шести или семи юношей поразительной красоты и элегантности. Руководитель СА представил мне их как своих адъютантов». Но когда удивление посла прошло, ему стало скучно. «Еда была пресной, разговор – пустым. Рем показался мне тяжелым и апатичным человеком. Он оживился только тогда, когда начал жаловаться на свое здоровье и ревматизм, который собирался лечить в Висзее. По пути домой я проклинал нашего Амфитриона, заявляя, что по его милости я бездарно потерял вечер». Но позже, размышляя о своей встрече с Ремом и о судьбе банкира Регенданца, который пригласил его на этот обед, Франсуа-Понсе писал: «Он и я остались единственными живыми участниками этого обеда, да и то только потому, что Регенданц успел бежать в Англию».

2 декабря Гитлер вводит Рема в состав правительства в качестве министра без портфеля. Он повсюду появляется в форме штурмовика, проводя осмотр своей огромной армии, насчитывающей два с половиной миллиона человек, которую он сам же и создал. Он ходит, так и сочась наглостью и гордостью. Самые безобидные слова в его устах становятся грубыми и резкими, почти шокирующими – в этом, вероятно, виновата его уродливая внешность, которая превосходит все мыслимые пределы. Его череп всегда чисто выбрит, а жирное, грубое лицо от носа до подбородка пересекает большой шрам. Кончик его носа, результат пластической операции, выглядит карикатурно – он красный, идеально круглый и заостренный. Но на этой грубой, жестокой физиономии застыло выражение обиженного ребенка. Рем, с его лицом животного и огромным животом, от которого, кажется, вот-вот лопнет ремень, постоянно мозолит глаза людям, всегда появляясь в окружении молодых красавцев с гладкими щеками и томным взглядом. Их профили так и просятся на медаль, их ногти безукоризненно наманикюрены, а элегантная форма сшита у самых лучших портных. На всякого, кто говорит с ним, Рем смотрит с открытым вызовом и спокойной наглостью, которую порождает ощущение могущества. «Я – солдат, – любит повторять он, – и смотрю на мир с точки зрения солдата, с точки зрения военного. В любой ситуации меня интересует только военный аспект».

Лицо и шрамы – визитная карточка Рема, его награды и личная печать. В 1908 году он был младшим лейтенантом. К 1914 году он был в Лорене, фронтовым офицером, который гнал своих солдат сквозь грязь и холод под пули противника. 2 июня 1916 года в чине капитана Рем отправился штурмовать Тиомон, укрепление в системе фортификаций Вердена. Он был серьезно ранен и обезображен – на его коже навсегда остались следы боевого прошлого. Он воевал на румынском и французском фронтах, пережил подписание позорного мира. Он был среди тех, кто присоединился к полковнику Риттеру фон Эппу из Добровольческого корпуса, который продолжал воевать и после заключения мира. Эпп, Рем и подобные им не могли смириться с мыслью, что жертвы четырех лет войны оказались напрасными. Как офицер сокращенной по условиям договора армии, Рем организовал Баварскую гражданскую

охрану, чтобы сокрушить красных, которые верили, что в разгромленной и униженной Германии им удастся совершить революцию по русскому образцу. В двадцатых годах, туманными баварскими зимами, Рем вооружал и обучал своих добровольцев-полицейских. Как представитель армии, он вступил в Немецкую рабочую партию, будущую партию нацистов. Здесь, в атмосфере разнузданного фанатизма, он встретил ветерана франко-германского фронта, бледного, невзрачного человечка с экзальтированным взглядом, снедаемого националистическими страстями и непомерным тщеславием, человека, который произносил зажигательные речи, бросая в публику короткие, резкие, похожие на взрывы монологи, – Адольфа Гитлера.

Рем сделал его партийным пропагандистом, и вот теперь, 1 июля 1934 года, Рем погиб от руки двух офицеров СС, действовавших по приказу этого самого человека, который стал рейхсканцлером. А за шесть месяцев до этого, 31 декабря 1933 года, Рем получил от своего фюрера письмо, которое предали гласности газеты. Геринг, Геббельс, Гесс и Гиммлер и еще семь человек получили в этот день подобные письма от канцлера, которыми он хотел отметить первый год их совместного правления и выразить благодарность своим верным товарищам. Письмо Рему было наполнено самой искренней признательностью.

«Мой дорогой начальник штаба,

я смог возглавить борьбу нашего национал-социалистического движения только благодаря СА, которые сокрушили красный террор. Если задача армии – защищать страну от внешнего врага, то задача СА – обеспечить победу национал-социалистической революции на внутреннем фронте, а также существование национал-социалистического государства и единства нашего народа. Когда я призвал тебя на твой нынешний пост, мой дорогой начальник штаба, СА переживали серьезный кризис. Только благодаря тебе и твоей помощи этот политический инструмент стал в течение нескольких лет той силой, которая позволила мне начать решающую борьбу за власть и поставить наших марксистских противников на колени. Вот почему, в конце первого года национал-социалистической революции, я должен поблагодарить тебя, Эрнст Рем, за те неоценимые услуги, которые ты оказал нашему движению и всему немецкому народу. Ты должен знать, что я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность назвать такого человека, как ты, своим другом и соратником.

В знак моей дружбы и благодарности,
твой Адольф Гитлер».

Из двенадцати нацистских руководителей, которые получили подобные письма, только к Рему Гитлер обратился на «ты». «Я благодарен судьбе» – это слова самого Гитлера. А полгода спустя Рем будет убит по его приказу. Так что не будем говорить о судьбе.

Речь Гитлера

Эрнст Рем, казненный в конце концов. Кто же он – человек, предавший нацистов и фюрера? Или он сам был предан лицемером Гитлером, который окружил его вниманием только для того, чтобы не дать ему выскользнуть из западни, как в драмах Шекспира, где убийство, лицемерие и предательство составляют основу борьбы за власть?

Через две недели после убийства Рема, 13 июля, в пятницу, над немецкой столицей нависла удушающая жара. В тот день было назначено вечернее заседание рейхстага. К семи часам к зданию Кроль-оперы, расположенному в тихом, наполненном воздухом районе Берлина к западу от Кенигплац, между Тиргартеном и Шпрее, стали съезжаться служебные машины нацистских депутатов. Депутаты шли к зданию оперы, которое было построено в неоклассическом стиле в конце XIX века. Сюда после пожара Рейхстага 27 февраля 1933 года перенес свою работу парламент. Черные и белые мундиры перемешались, люди обмениваются партийными приветствиями. Это собрание энергичных людей, которым пошел пятый десяток. Все они коротко стрижены, разговаривают громким голосом и уверенно жестикулируют. 30 января 1933 года власть оказалась в их руках. А 30 июня 1934 года они пережили первую нацистскую чистку.

Когда появился Гитлер, окруженный эсэсовцами, и двинулся к трибуне, все встали и вытянули руки в нацистском приветствии. Андре Франсуа-Понсе заметил, что Гитлер был бледен и выглядел усталым. Геринг, в качестве президента рейхстага, в восемь часов вечера открыл заседание и тут же передал слово Гитлеру, который уже стоял на трибуне. В зале оперного театра, ложи и оркестровая яма которого были заполнены депутатами в форме, канцлер стоял, вцепившись в кафедру, установленную перед ним. Но вот он вытягивает руку в приветствии – только пальцы его сжаты в кулак.

«Депутаты! Члены немецкого рейхстага!» – начинает он.

Андре Франсуа-Понсе вспоминает, что голос Гитлера звучал резче, чем обычно, а слова сыпались, словно удары. Выступление с речью для Адольфа Гитлера всегда было актом насилия.

Он появился перед «самым представительным форумом нации», как он заявил в самом начале своей речи, «чтобы объяснить нашему народу события, память о которых, как я надеюсь, навсегда останется в нашей истории, а сама эта трагедия станет хорошим уроком для всех нас».

В Тиргартене, позади деревьев, окружающих Кениг-плац, стоят люди, слушающие речь Гитлера по репродуктору.

«Мой рассказ будет искренним и простым, – продолжает Гитлер, – я опущу лишь некоторые подробности, поскольку этого требуют интересы рейха и чувства приличия».

Берлинцы, слушавшие выступление Гитлера в ту пятницу 13 июля 1934 года, уже кое-что знали. Омерзительные сцены, о которых писал итальянский дипломат Алоизи, были вкратце описаны в некоторых газетах. Там утверждалось, что расстрелы были частично актом очищения нации – очищения кровью и смертью.

«Дело было не только в намерениях Рема, – продолжает рывкать Гитлер, – но и в его отношении к партии, от которой он все больше и больше отдалялся. Все те принципы, на которых основывается наше величие, стали для него пустым звуком. Поведение начальника штаба и некоторых других лидеров СА стало совершенно нетерпимым с точки зрения национал-социализма. И дело было даже не в том, что он и его друзья нарушали все правила приличия, но скорее в том, что разложение зашло слишком далеко и захватило уже даже самые далекие элементы».

Итак, капитан Рем, с которым Гитлер был на «ты», считая его самым старым и самым преданным своим другом, превратился в пугало, в «гнойник на теле нации», который требовалось удалить. Голос канцлера звучит все резче и резче. «Бунтовщиков судят по особым законам... – кричит он, – я велел расстрелять лидеров мятежа! Я приказал прижигать гнойник, порожденный внешним и внутренним ядом, до тех пор, пока не задымится живая плоть. Я также приказал расстреливать на месте всех тех, кто попытается оказать сопротивление при аресте».

«Расстрелять... пока не задымится живая плоть... расстреливать на месте». Слова Гитлера, словно пушечные выстрелы, характеризовали ту жестокость, которая сопровождала события той ночи, менее двух недель назад. «Операция завершилась ночью в воскресенье 1 июля, – добавляет канцлер, – и в стране восстановилась нормальная жизнь».

Вцепившись руками в кафедру, Гитлер продолжает говорить об очищении нации. Депутаты рейхстага встречают его слова долгими, бурными овациями. Заведенный страстями, которые он выпустил на свободу, фюрер говорит все быстрее и быстрее.

Его голос груб и резок. «Я готов перед лицом истории взять на себя всю ответственность за решения, которые мне пришлось принять, чтобы спасти то, чем мы больше всего дорожим, – немецкий народ и немецкий рейх».

Аудитория в едином порыве встает и разражается бурной овацией. Нацистские депутаты в большом зале, залитом ярким светом, громкими криками приветствуют решения, которые Гитлер перед лицом истории назвал своими собственными.

На улице толпы людей, наблюдающие, как депутаты покидают здание оперы, заметив высокопоставленных чиновников рейха Гитлера, Геринга, Гиммлера и Гесса, приветствуют их аплодисментами и вскидывают руки в нацистском салюте. Вскоре город погружается в ночную тишину. Верховный суд немецкого народа сказал свое слово.

Но решения, которые привели к расстрелам и убийствам, явились результатом долгого процесса, достигшего своего апогея в другую пятницу – 29 июня 1934 года в Бад-Годесберге на Рейне. Именно здесь, на террасе отеля, на фоне грозового вечернего неба, и началась «ночь длинных ножей».

Часть первая

НОЧЬ НА РЕЙНЕ

Пятница 29 июня – суббота 30 июня 1934 года

ГЛАВА 1

Пятница 29 июня 1934 года

Бад-Годесберг, отель «Дреесен»

14.00-21.00

Рейн протекает километрах в ста к северу от Бад-Годесберга. Порой, когда в Рейнской долине дует пронизывающий северо-восточный ветер, до самого Бад-Годесберга доносится дым Рура, пахнувший серой и угарным газом.

Впрочем, в июне северо-восточных ветров не бывает, и Рейн с террасы отеля «Дреесен» по утрам похож на сказочную реку прошлых лет, реку средневековых замков и Лорелеи. В лучах теплого, ласкового солнца он сверкает, словно длинная прядь русских волос. На террасе отеля собираются руководители компаний, прибывшие из мрачных, закопченных городов, дымных центров власти, чьи имена звучат как удары молота по наковальне – Эссен, Кельн, Бохум, Дортмунд, Гельсенкирхен. Они сидят, охваченные дремой, навеянной капризными рейнскими винами, и ословело глядят на свежий июньский пейзаж.

Терраса отеля «Дреесен», этого «Клариджа» рейнской буржуазии, – одно из тех тихих местечек, которые так любят бизнесмены. Это место, куда они временами удаляются от дел и где в атмосфере алкоголя и сигарного дыма вспыхивают порой жаркие словесные бои. Здесь служат вышколенные официанты – молчаливые и незаметные. По будням, особенно в начале лета, «Дреесен» – идеальное место для какого-нибудь важного обеда или тайной встречи.

Но лето на лето не похоже. В тот день, 29 июня 1934 года, всем бизнесменам, которые регулярно обедали в «Дреесене», было отказано. Служащие освобождены от работы, а старший официант растерян и бесцельно бродит по ресторану. Все покинули свои посты. Но самые храбрые все-таки ухитряются пристроиться поближе к террасе. Среди них Вальтер Брейтман – один из самых молодых официантов. Он хорошо помнит, как старший официант тщетно пытался вернуть его на место.

Брейтман с восхищением наблюдает, как к отелю подъезжают черные лимузины «Мерседес-Бенц», среди которых два с открытым верхом. Машины так медленно останавливаются у крыльца, что шуршания шин по гравию почти не слышно. А вот и сам фюрер. Раздаются аплодисменты и крики. Вальтер Брейтман тоже хлопает в ладоши и, увидев, что все вытягивают руки в нацистском приветствии, вскидывает руку. Из первой машины выбирается крупный мужчина в форме СА. Это обер-лейтенант Вильгельм Брюкнер – телохранитель, ординарец и адъютант Гитлера. На парадах и трибунах он всегда стоит с беспристрастным видом позади фюрера, нависая над ним как гора.

Сейчас он стоит лицом к машине Гитлера, обшаривая взглядом ожидающую появления фюрера толпу. После этого он открывает дверцу, и Гитлер выходит из машины. Крики и восклицания усиливаются, и канцлер поднимает руку. Потом он быстро поднимается по ступеням на террасу. Его лицо сурово и серьезно.

За Гитлером идет владелец отеля. Слышится звук захлопывающихся дверей, и машина, на которой приехал Гитлер, медленно отъезжает на стоянку, расположенную метрах в двадцати пяти – тридцати от гостиницы. Брюкнер останавливается и что-то говорит владельцу отеля. Тот

извиняется, что не успел как следует подготовиться к приезду высоких гостей – ему сообщили об этом всего несколько часов назад.

Фюрер инспектировал лагеря Трудового фронта. Он проехал по лагерям всего гау (партийного округа) Нижний Рейн и Вестфалия и посетил по пути офицерское училище в Шлосс-Бадденберге, около Люнена.

В Шлосс-Бадденберге идет дождь, приятный летний дождик, больше похожий на теплый душ. В десять часов утра толпа, кричащая «Зиг хайль!», окружает открытую машину Гитлера, и фюрер, широко улыбаясь, пожимает руки, которые тянутся к нему со всех сторон. Когда машина останавливается у главного корпуса училища, из него выходит доктор Декер, чтобы приветствовать канцлера. Дождь уже почти совсем кончился, но везде блестят лужи, а в воздухе разлит запах мокрой травы и сырой земли.

Сотни стройных, энергичных молодых людей с бритыми подбородками и висками застыли на месте. Их обнаженные загорелые ноги и торсы блестят от пота и дождя, а правые руки вытянуты почти горизонтально в нацистском приветствии. Адольф Гитлер в длинном кожаном плаще, держа в руке фуражку, медленно проходит вдоль их рядов. Его мокрые волосы кажутся еще темнее, чем обычно. Отстав на несколько шагов, за фюрером идет полковник Константин Хиерль, тоже затянутый в длинный плащ. Это одеяние выглядит весьма странно, поскольку, несмотря на сырость, воздух удушающе горяч и тяжел. Брюкнер, Отто Дитрих и Шауб идут позади них.

Вскоре этим молодым людям, неподвижно застывшим на плацу, предстоит выступить перед Гитлером. Одни будут демонстрировать гимнастические упражнения, другие – петь в хоре или читать стихи во славу нацистской Германии, а лидеры партии, поставленные на службу ее делу, будут смотреть на этот праздник юности и задора.

Но Гитлер, несмотря на праздничную атмосферу, кажется, чем-то озабочен. Когда лидеры рейха покидают училище, здания которого украшены гирляндами цветов, а воспитанники демонстрируют радость от встречи с руководителями страны, он отвечает на прощальный салют Декера вялым движением руки.

Из Шлосс-Бадденбурга Гитлер и его свита отправляются в лагерь Ольфен, где их ждут те же церемонии, те же шеренги молодых напряженных парней, гордых от сознания своего морального превосходства. Стоя перед этими юношами, застывшими в идеально правильных прямоугольниках, Гитлер вполголоса что-то говорит своему адъютанту. Несколько человек бегом покидают группу руководителей, Брюкнер отдает приказ, и церемония прерывается. Канцлер решил отменить свою поездку в лагеря 210 и 211, где собирался осмотреть работы, выполненные добровольцами на реке Ниерс. Вместо него туда поедет Хиерль. Фюрер неожиданно решил устроить совещание в Бад-Годесберге, и Брюкнер посоветовал ему отель «Дрее-сен». Чиновники бросаются к своим машинам – среди них доктор Роберт Лей, руководитель Трудового фронта, Мерренбах, его адъютант, и доктор Дитрих, руководитель пресс-службы канцлера.

Официальная процессия мчится в Бад-Годесберг, притормаживая только в городах. Во всех населенных пунктах местные нацистские руководители собирают толпы жителей, которые приветствуют своего фюрера криками, вытянутыми руками и красными флагами с черной свастикой – гипнотизирующей эмблемой нового рейха. Как позже писали журналисты, весть о приезде Гитлера распространялась по улицам и площадям городов как огонь, и через несколько минут по пути следования машины фюрера уже стояли тысячи людей, а из каждого окна свешивался флаг или вымпел.

В Годесберге окна домов, вытянувшихся вдоль живописных узких улочек этого популярного курорта, тоже украшены флагами. Но машина канцлера быстро проносится мимо, а за ней

и весь кортеж правительственных машин и автомобилей лидеров партии и нацистских организаций, которые съезжаются в отель «Дреесен» со всей Германии.

Отель «Дреесен» хорошо известен среди представителей среднего класса Бонна и Рура как тихое, уединенное местечко. В 1938 году Гитлер еще раз посетит его, чтобы встретиться с Чемберленом во время их последней попытки предотвратить войну. Но в ту пятницу 29 июня 1934 года «Дреесен» был знаменит только тем, что перед великим кризисом 1929 года, погубившим Веймарскую республику, сюда любил приезжать на отдых Густав Штрэземан, министр иностранных дел Германии, сторонник союза с Францией.

Хозяин отеля считает за честь принять нового канцлера. Заученным жестом он показывает гостю панораму Рейна, петляющего среди плоской пойменной равнины, которая тянется вдоль его левого берега, и Бонна, расположенного километрах в десяти отсюда. Фюрер любит просторные природные ландшафты. Он выходит на террасу, висящую над рекой. Погода великолепна, и лидеры партии выходят вслед за ним.

К отелю подъезжает последняя машина – это Хиерль, который быстро осмотрел несколько трудовых лагерей и приехал в Годесберг. Он коротко рассказывает Гитлеру о своих впечатлениях, и все усаживаются.

Люди, находящиеся недалеко от террасы, слышат, как повышается и понижается голос Гитлера. Он говорит громко, почти кричит. Фразы звучат резко и грубо. Он замолкает только через несколько часов, вымотанный до предела, как это всегда бывает после речи, в которую он вложил всю свою страсть. Вечереет. Лидеры СС и СА вскидывают руки в приветствии и прощаются, а к ступеням отеля подъезжают машины, чтобы отвезти их домой. Только после этого Гитлер расслабляется. Он подходит к краю террасы. Здесь стоит гаулейтер Кельнского округа О-ла-Шапель, который представляет Гитлеру высокопоставленных чиновников своего округа и сотрудников более мелкого ранга. Под окнами собралась толпа любопытных; люди вскидывают руки в нацистском салюте, кричат, машут флагами. Маневрируя с точностью, которой позавидовали бы прусские полки, перед отелем выстраивается отряд Молодежного трудового корпуса.

Гитлер выходит на крыльцо и с довольным видом салюует молодым парням, которые застыли перед ним, словно статуи. Военный оркестр играет мелодии нацистских песен. Шестьсот добровольцев Трудового корпуса зажигают факелы и выстраиваются у подножия террасы в огромную, сверкающую свастику. Гитлер опирается на стену террасы. Оркестр играет Zapfenstreich.

Пламя факелов колеблется от дуновения сырого бриза с реки, наполненного сладким ароматом виноградников и мокрой травы. Черные баржи, идущие по Рейну, в сгущающихся сумерках уже зажгли свои бортовые огни.

На другом берегу реки вздымаются в небо округлые пики Семигорья. Это остатки старых вулканов Драхенфельс, Ольберг, Петерсберг и Левенберг (самый высокий из всех). В глаза сначала бросаются эти огромные массивы, а уж потом – величественная панорама Рейнской долины, наводящая на мысль о мощи и покое.

Весь день здесь было жарко и влажно, в воздухе не чувствовалось ни дуновения. Утром прошел дождь, небо и сейчас еще затянуто густыми, серыми облаками, которые над Руром кажутся черными от дыма сталелитейных заводов. Быть может, именно от этого влажного, душного воздуха у Гитлера такое серое лицо и беспокойный, бегающий взгляд. Чувствуется, что он потеет. Но, стоя на террасе и глядя на Рейн, эту воспетую поэтами артерию Германии, он постепенно успокаивается и расслабляется. Молодой официант Вальтер Брейтман уже вернулся на свой пост, но время от времени проходит по террасе или ухитряется посмотреть, что там происходит. Вокруг стола, за которым сидит фюрер, сгрудилась большая группа людей.

Время от времени Гитлер откидывает голову назад и смотрит в небо. Ночная тьма принесла с собой прохладу. Река кажется теперь темной лентой, петляющей во мраке.

Разговаривая с официанткой, Гитлер улыбается. Он говорит с ней тем отстраненным тоном наделенного властью человека, которым он всегда беседует с простыми людьми, с теми, что более года назад, 30 января 1933 года, избрали его своим канцлером. Официантка, тронутая до глубины души вниманием фюрера, отвечает односложно и глуповато улыбается. Фюрер делает вид, что ему по-настоящему интересно то, что она рассказывает о своей семье, ежедневной жизни и планах на будущее, но выражение его лица отсутствующее. Слова и вопросы сыплются без остановки, но слышит ли он ее ответы?

Здесь, на берегу Рейна, в те минуты, когда на Германию опускается летняя ночь, чтобы дать людям короткий отдых от дневной жары, Гитлер понимает, что дорога каждая секунда. Может быть, он завел этот разговор с официанткой, чтобы скрыть свои мысли. Быть может, он приехал в этот маленький городок, подальше от многолюдных гигантов Рура и официального Берлина, чтобы принять ранее обдуманное решение, острое, как удар топора, болезненное, как прикосновение раскаленного железа к живой плоти. А может быть, необходимые приказы уже отданы и эта передышка на берегу реки является последней отсрочкой приговора, которую он дал намеченным жертвам для того, чтобы усыпить их подозрения?

Брюкнер заказывает ужин, потом встает и спрашивает, где здесь телефон. Фюрер не сводит с него глаз. Лицо его вновь напряглось и застыло. Он поглубже усаживается в кресло, которое обращено в сторону Рейна, и сидит в нем, опустив голову и ссутулив плечи, словно старик, которому неожиданно стало холодно. Он тих и задумчив. Время от времени кто-нибудь из присутствующих подходит к краю террасы и смотрит на него, но детективы и эсэсовцы, охраняющие покой фюрера, бросают на подошедшего испепеляющие взгляды, и он тут же ретируется. К этому хрупкому мужчине, сидящему летней ночью на открытой террасе, прикованы взгляды всей Германии, на нем сосредоточены все ее чаяния, а он думает неизвестно о чем! Опустив подбородок на руки и застыв на месте, со своим одутловатым лицом и прилизанными волосами, он похож на обычного человека, который о чем-то глубоко задумался. Ни Вальтер Брейтман, ни кто-либо другой из сотрудников «Дреесена» и подумать не мог, что грузовики, полные эсэсовцев, уже готовы в этот момент покинуть Берлин и что ночь, опустившаяся на мирную, величественную реку, станет ночью казней и убийств. Усталый канцлер, казалось, дремлет. В его власти открыть ворота насилию или запретить его по всей Германии – от Гамбурга до Мюнхена, от Бремена до Бреслау, от Берлина до Кельна. Возможно, убийства уже начались.

Тишина мягкой, спокойной рейнской ночи нарушается только приглушенными разговорами, редким вежливым смехом, ровным гудением моторов, доносящимся из долины, и шагами обер-лейтенанта Вильгельма Брюкнера, возвращающегося после телефонного разговора.

Молодой Вальтер Брейтман смотрит, как обер-лейтенант медленно пересекает комнату и подходит к Гитлеру, который поворачивает к нему голову. Они быстро о чем-то переговариваются тихими голосами, после чего Брюкнер снова уходит к телефону. Подают ужин, но канцлер, как обычно, ест очень мало. Когда Брюкнер снова появляется на террасе, Гитлер спрашивает его, нет ли известий от Виктора Лутце, которого он вызвал в Годесберг. Брюкнер отвечает, что, по его мнению, Лутце вскоре будет здесь, и Гитлер немного успокаивается. Обергруппенфюрер Лутце – преданный член СА. Как руководитель гау Ганновера, он один из тех десяти лидеров СА, которые контролируют всю Германию. Это спокойный, скромный человек, похожий на студента-отличника. По мнению его начальника, Эрнста Рема, Виктор Лутце не просто «грамотный и добросовестный исполнитель», а человек выдающихся способностей.

Брюкнер уверяет Гитлера, что Лутце приедет так быстро, как позволит ему дорога между Ганновером и Годесбергом. Расстояние между этими городами чуть более 300 километров.

Шоссе хорошее, и он появится через несколько часов, ведь если Лутце получил приказ, можно считать, что он его уже выполнил. Канцлер снова погружается в раздумья. Когда прибудет группенфюрер, он уже должен будет принять решение, и соединениям капитана Рема придется подчиниться этому решению. Сколько же под его началом коричневорубашечников в фуражках и черных нарукавных повязках со свастикой? Два с половиной миллиона? Три? Или всего лишь миллион? Эти люди составляют основу власти Рема. Кроме СА под его командой находятся, прямо или косвенно, эсэсовцы, число которых выросло с 280 человек в 1929 году до, вероятно, 50 тысяч в январе 1933 года, когда нацисты захватили власть, и до 300 тысяч в июне 1934 года, Национал-социалистический автомобильный корпус НСАК и гитлерюгенд – всего где-то около миллиона молодых парней. Вернеру же фон Бломбергу, военному министру, подчиняется только 300 тысяч человек. Так что главным элементом являются штурмовики – основа силы Рема.

Ожидая на террасе приезда Лутце и новостей из Берлина, то есть того момента, когда ему придется принять судьбоносное решение, канцлер не может не думать обо всех этих людях в форме, которые поклялись пойти за него на смерть, а также о штурмовиках, которых Рем в своей последней речи перед иностранными журналистами 18 апреля 1934 года назвал «не просто группой бесстрашных людей, связанных клятвой, но армией верующих, мучеников, агитаторов и солдат. Фюрер дал нам красный флаг со свастикой, новый символ будущего Германии, и коричневую рубашку, форму штурмовика, которую он носит в битве, славе и смерти. По цвету этой рубашки легко узнать штурмовика, и это его оправдание, его отличительный признак, который позволяет друзьям и врагам с одного взгляда распознать того, кто верит в национал-социалистическую идею переустройства мира».

И вот сейчас решается судьба этих коричневорубашечников, этих политических бойцов, которые, по словам Рема, «своими кулаками проложили национал-социализму дорогу в будущее, дорогу к победе». Их судьба решается на террасе отеля «Дреесен», откуда открывается вид на Рейн.

Однако наносить удар надо со всей решительностью, ведь Рем любит повторять: «СА – это не институт благородных девиц, а союз закаленных в борьбе бойцов».

Время идет, и момент принятия решения приближается. Канцлер вспоминает немногочисленный полицейский отряд, организованный по инициативе Рема, который 3 августа 1921 года взял на себя охрану митинга нацистской партии и сделал все, чтобы не допустить собрания ее врагов. В СА вступали закаленные в боях ветераны Добровольческого корпуса, морской бригады капитана Левенфельда, которым командовал генерал Меркер, а также члены организации Эшериха. До вступления в СА они сражались с поляками на болотах балтийского побережья, разбойничали в составе наемных отрядов и банд грабителей или воевали в городах с рабочими и матросами, защищавшими революцию. Штурмовиков снабжали пулеметами армейские командиры, и эти отряды молодых, но уже прошедших огонь и воду опытных бойцов вели нелегальную, преступную войну. Нервные и агрессивные, похожие в своих пестрых одеждах на бандитов, они напоминали проклятые души, которых изгнало общество и которые бродили в тумане и анархии разгромленной Германии, словно солдаты империи, готовившейся к новым завоеваниям.

Первый руководитель СА Г. Клинич был ветераном бригады Эрхарда. Вскоре после создания СА в них вступили фон Килингер, убийца Эрцбергера, подписавшего перемирие, и Эдмунд Хайнес, покончивший с Ратенау. В марте 1923 года клятву верности идеалам СА принес Герман Геринг – герой войны, летчик-ас, чью ослепительную мужскую красоту еще не погубили наркотики и ожирение. В ноябре 1923 года, когда произошел первый нацистский путч, на холодных серых улицах Мюнхена штурмовики объединились вокруг своих лидеров. После разгрома путча, объявленные, как и сама партия, вне закона, отряды штурмовиков были

реорганизованы Ремом, мечтавшим создать боевую нацистскую армию. Известные в ту пору под названием «фронтовые отряды», они в 1925 году снова стали называться штурмовиками.

В 1925 году многим казалось, что нацистская партия находится накануне развала. Геббельс требовал исключить из нее обуржуазившегося Гитлера. Грегор Штрассер, благодаря которому партия держала под контролем север Германии, проповедовал социализм и национал-большевизм и не был согласен с мнением осторожного Гитлера, который считал, что лучше обратиться за поддержкой к правым силам. Эрнст Рем, имевший вид бравого вояки, хотел подчинить партию штурмовым отрядам и преобразовать их в новый Добровольческий корпус. Но Гитлер подчинил штурмовиков партии, и Рем, солдат и искатель приключений, разочарованный, но дисциплинированный неудачник, уехал в Боливию создавать там армию и обучать боливийских офицеров.

В ту пору начала увеличиваться численность СС – боевого отряда, подчинявшегося непосредственно Гитлеру, его личной охраны, дисциплинированной и безраздельно ему преданной. 6 января 1929 года лидером СС становится Генрих Гиммлер, человек с лицом лишенным всякого выражения и глазами закрытыми очками в стальной оправе. «Мне никогда не удавалось поймать его взгляд, – говорил о нем Альфред Розенберг, – он всегда ускользал, прятался за стеклами пенсне». Но этот представитель среднего класса, католик, став руководителем СС, сумел создать крепкую организацию, Черную гвардию, которая шаг за шагом, сочетая фанатичный мистицизм с террором, неуклонно усиливала свою власть.

В 1931 году Гитлеру пришлось вызвать Рема в Германию, чтобы он занялся реорганизацией СА, численность которой возрастала с каждым успехом нацистской партии на выборах – со 100 тысяч человек в 1930 году до 300 тысяч в 1933 году и до примерно 3 миллионов в 1934-м.

Теперь они действуют повсюду, эти отряды личной армии фюрера, со своими собственными моторизованными соединениями и эскадрильями. СА делится на группы, штандарты (полки) и штурмы (роты). Такая организация оказалась очень эффективной – она держит всю страну в стальных тисках насилия и террора.

Главная задача СА не позволить врагам нацистов использовать улицы и залы немецких городов для проведения своих собраний. Еще в ноябре 1921 года, всего через несколько месяцев после возникновения СА, штурмовики ворвались в Мюнхенский пивной зал.

Гитлер в своей книге «Майн кампф» рассказывает об этом событии, во время которого родилась тактика прямого вмешательства СА: «Когда я без четверти восемь вошел в вестибюль Пивного зала, я уже не сомневался в саботаже... Зал был переполнен... Небольшой штурмовой отряд уже ждал меня в вестибюле... Я велел закрыть двери и приказал своим людям (их было человек сорок пять – сорок шесть) охранять их. Я сказал, что им предоставляется возможность доказать свою верность нашему движению и поэтому, что бы ни случилось, никто из них не должен покидать зал. В ответ они три раза прокричали «Хайль!», причем их голоса звучали резче и грубее, чем обычно». Гитлер выступил с речью, а потом отдал приказ начинать драку. «Танцы еще не начались, – продолжает он в «Майн кампф», – когда мои люди из штурмового отряда – с того дня их стали называть штурмовиками – бросились в бой. Подобно волкам, стаями по восемь – десять человек, они набрасывались на врагов, ошеломляя их градом ударов и выгоняя из зала. Через пять минут все уже были в крови. Это были настоящие мужчины, которых я с той минуты начал ценить. Их вел в бой мой храбрый Морис. Гесс, мой личный секретарь, и многие другие, уже сильно избитые, продолжали драться до тех пор, пока могли стоять на ногах». Фюрер назвал эту драку боевым крещением СА.

Штурмовиками становились не робкие и мягкие люди, выходцы из добропорядочного среднего класса. Экономический кризис 1929 года породил ту среду, из которой СА черпали свое пополнение. Это были безработные и рабочие из люмпен-пролетариата, которые получали

форму и зарплату и которые нашли в СА организацию, где им всегда были рады и обещали осуществить революцию.

По мере усиления борьбы им приходилось сражаться с социалистами, объединившимися под знаменем империи, и коммунистами, которые принадлежали к Красной лиге фронтовиков. Все эти партии внимательно следили друг за другом, устраивали парады и маршировали с развешиваемыми знаменами под звуки труб и швыряли друг в друга камни. Полиция, отдававшая предпочтение СА, пыталась иногда развести враждебные группировки, но чаще всего появлялась уже после того, как драка заканчивалась и одна из сторон терпела поражение. Уличные бои следовали один за другим, и атмосфера насилия накалялась. В Эссене коммунисты хоронят члена своей партии. Процессия проходит мимо Коричневого дома, который охраняет штурмовик, и коммунисты начинают угрожать ему расправой. Стороны обмениваются выстрелами, штурмовика хватают и чуть было не убивают. В болоте находят тела профсоюзных деятелей, в тавернах все чаще и чаще вспыхивают драки. Когда убивают красного, штурмовикам всегда удается отвертеться от наказания. В Эссене член СА Киевский, напившись, падает, и его револьвер неожиданно стреляет. Ней, коммунист, валится мертвым.

В январе 1933 года, в эйфории победы, когда тысячи сторонников нового режима маршируют под окнами Канцелярии, выкрикивая приветствия новому канцлеру, штурмовики понимают, что последняя плотина, сдерживавшая их жестокость, пала. Суды без колебаний выносят приговоры врагам штурмовиков. Если центр СА забрасывают камнями, то СА отвечают пулями, а предполагаемый зачинщик (истинных виновников этих нападений всегда бывает очень трудно установить) получает смертный приговор или пожизненное заключение. Ряды СА быстро растут. Когда на тебе коричневая форма, твоя жестокость называется уже не жестокостью, а героизмом. В ряды штурмовиков вливаются парни с преступными наклонностями, сексуальные извращенцы и отбросы общества, которые всегда поднимаются на поверхность общественной жизни в периоды коренной ломки прежнего уклада. Они насаждают в отрядах садизм и жестокость.

Банды штурмовиков патрулируют улицы, которые звенят от их криков. Они ставят свои посты у входа в еврейские магазины, отпугивая покупателей, и собирают деньги в пользу нацистской партии, а может быть, просто для себя. Кто осмелится отказать им? Более того, 22 февраля 1933 года по решению Геринга, министра внутренних дел, который вскоре займет пост президента Прусского совета, 25 тысяч членов СА и 15 тысяч членов СС объявляются вспомогательной полицией. 17 февраля, отдавая приказ силам, призванным якобы поддерживать закон и правопорядок, Геринг напишет: «Те полицейские, которые при исполнении своих служебных обязанностей применяют оружие, получают мою поддержку, вне зависимости от исхода дела. Тех же полицейских, которые из ложно понятого чувства деликатности не считают нужным прибегнуть к оружию, будет ждать суровое дисциплинарное взыскание». Итак, путь расчищен. Штурмовики могут теперь во все горло распевать своего «Хорста Весселя» – песню, в которой рассказывается о смерти героя СА, убитого в драке.

Власть, общественное положение и сила – все в их руках. По всей Германии в ряды штурмовиков вступают новые члены. Иногда это бывшие социалисты или коммунисты, отказавшиеся от прежних убеждений. Рем, в своей обычной провокационной манере, не преминул заметить: «Я уверен, что среди коммунистов, особенно в рядах красных ветеранов, много отличных бойцов». А по словам некоторых противников СА, в их рядах есть соединения, которые можно с полным правом сравнить с «бифштексами» – снаружи они коричневые, а внутри красные.

Для тех, кто не желает сдаваться, у СА были наготове лагеря и пытки. Штурмовики первыми допрашивают арестованных. Рудольфу Дильсу, монархисту по убеждениям, который некоторое время по распоряжению Геринга возглавлял тайную полицию Пруссии, удалось однажды посетить камеры, куда СА бросали свои жертвы. Здесь он увидел картины, от которых в жилах стыла кровь, – умиравших от голода заключенных с переломанными костями, лица

которых были покрыты синяками и кровоподтеками, а тела – гноившимися ранами. Он сумел спасти некоторых из них, увезя их с собой в полицейской машине. «Похожие на куски окровавленной глины или на бесформенные куклы с потухшими глазами, они сидели на лавке полицейской машины, падая друг на друга при каждом толчке. Их обмякшие тела горели жаром. Полицейский, который сопровождал меня, увидев весь этот ад, просто онемел от ужаса». Иногда штурмовики загоняли своих пленников на деревья и заставляли петь, изображая птиц.

Рудольфа Дильса потрясло то, что он увидел. «Меня охватил ужас, – пишет он, – словно я побывал в царстве призраков. В лицах заключенных, на которых красовались желтые, зеленые и голубые синяки, не осталось ничего человеческого». Неожиданно, когда Дильс стоял рядом с узником, в комнату ввалились Эрнст, один из лидеров СА Берлинского района, и его свита, одетые в безукоризненно чистую форму, со старыми и новыми орденами на шее, смеясь и весело разговаривая.

Как говорил Рем, СА были созданы не для благородных девиц.

Не обращая особого внимания на Геринга, штурмовики развили в Пруссии большую активность. В одном только Берлине у них было около пятидесяти импровизированных тюрем – подвалы, склады, сараи, гаражи, где арестованных избивали, а потом приканчивали. В провинции (в Зонненбурге, Барниме, Кенигсвустерхаузене, Вуппертале, Кемме) в тюрьмах СА тоже раздавались крики заключенных. В большинстве случаев Рудольфу Дильсу удавалось освободить арестованных и закрыть тюрьмы СА. Но все это давалось ему с большим трудом и породило сильную, длительную вражду между прусской политической полицией, главой которой он был, и СА, а также между Герингом и Ремом. Чем бы ни занимались штурмовики – пытали ли заключенных, резали горло противнику или грабили чей-то дом, они всегда вели себя так, будто им все позволено, как будто победа нацистов развязала им руки. Они выбивали зубы и окна, похищали людей или убивали их в подвалах или, как это случилось на параде в Берлине, не давали девушкам смотреть на проходящих в колонне молодых парней, загородив им весь вид и со смехом отвечая на просьбы подвинуться: «Если хотите видеть, суньте головы нам между ног и смотрите».

Они были штурмовиками, которым позволено все. Сам Рем много раз повторял: «Батальоны коричневорубашечников были школой национал-социализма».

Тем не менее 31 июля 1933 года Рему под давлением законопослушных организаций партии пришлось рекомендовать штурмовикам соблюдать элементарные нормы поведения.

«Я пытаюсь, – писал он, – сохранить и полностью гарантировать права солдат СА, как авангарда национал-социалистической революции... Я принимаю на себя ответственность за все действия штурмовиков, которые не всегда соответствуют современным законам, но которые служат исключительно интересам СА. В этом отношении уместно напомнить, что за убийство одного штурмовика руководитель организации СА имеет право казнить до двенадцати членов враждебной организации, совершившей это убийство. Эти казни официально разрешены фюрером, они должны осуществляться быстро и с военной неукоснительностью.

Однако мне сообщили об инцидентах – правда, достаточно редких, – в которых отдельные члены СА, я не хочу называть их штурмовиками, ибо они не заслуживают этого звания, допустили непростительное превышение своих полномочий.

Это превышение включает в себя осуществление личной мести, недопустимую жестокость, вымогательство и грабеж».

Капитан Рем выражал свое возмущение этими людьми, опозорившими честь мундира СА, и угрожал немедленной показательной казнью любому ответственному лидеру СА, который из ложно понятого чувства товарищества вовремя не вмешается.

Но к 8 августа СА уже не были частью вспомогательной полиции, организованной Герингом. Недисциплинированность, сила и пугающая независимость штурмовых отрядов поставила их в оппозицию к централизованной власти.

Это было год назад, летом 1933 года.

ГЛАВА 2

Пятница 29 июня 1934 года

Бад-Годесберг, отель «Дреесен»

21.00-21.30

Ко входу в отель «Дреесен» подъезжает автомашина и останавливается так резко, что взвизгивают тормоза. Швейцар еще не успел выйти на ступени, как к ней подлетает полицейский. Из машины выходит пассажир, все узнают в нем Йозефа Геббельса. Нервный, еще более бледный и худой, чем обычно, он быстро вскидывает руку в нацистском приветствии и направляется к Брюкнеру, который вышел ему навстречу. Они обмениваются рукопожатиями, и обер-лейтенант Брюкнер указывает на террасу, где Геббельса ждет Гитлер. Геббельс приглаживает волосы и, хромая, начинает взбираться по ступеням. Вальтер Брейтман видит знакомое костлявое лицо с впалыми щеками и туго натянутой кожей и сверкающие глаза, свидетельствующие о том, что высокопоставленного калеку снедает тревога. Благодаря острому уму, отточенному чувством своей физической неполноценности, Геббельс поднялся от секретаря Грегора Штрассера до признанного мастера нацистской пропаганды. В свое время он устранил босса, предав его. Когда у Гитлера возник конфликт со Штрассером, Геббельс перешел на сторону Гитлера. Министр пропаганды карабкается по ступенькам, волоча больную ногу и обнажив в застывшей улыбке зубы, которые кажутся слишком большими для его тонкого лица. Брейтман отступает назад, чтобы пропустить партийного интеллектуала, маленького, темного, легко возбудимого, совсем не похожего на арийца. Когда он стал министром пропаганды, *Alte Kämpfer*, «старые бойцы» партии, преклонявшиеся перед физической силой, только насмешливо улыбнулись. А штурмовики пели:

Боже всемогущий, ослепи меня.
Может быть, тогда я
В Геббельсе арийца разгляжу.

Геббельс прилетел этим вечером в Годесберг из-за СА. Он приветствует Гитлера, садится рядом с ним и начинает говорить, помогая себе жестами. Канцлер выглядит отстраненным и подозрительным. Он молча слушает, глядя в лицо Геббельсу, чей длинный подбородок и слишком большой рот находятся в постоянном, похожем на конвульсии движении. Геббельс говорит быстро, и каждое его слово сопровождается тиком, от которого на лице появляется гримаса недовольства, обозначенная глубокими и широкими линиями вокруг рта. Адольф Гитлер смотрит и слушает. Позже Геббельс вспоминал этот разговор: «Наблюдая, как он взвешивает все за и против, прежде чем сделать свой нелегкий выбор, я восхищался этим человеком, взвалившим на свои плечи ответственность за судьбу миллионов. На одних весах лежал мир и покой Германии, а на других – судьба людей, с которыми до этого момента он состоял в приятельских отношениях».

Йозеф Геббельс тоже состоит с фюрером в приятельских отношениях, и Гитлер наблюдает за ним. «Хромая утка» партии не принадлежит, как другие, к числу воинских начальников. Он не командует войсками СА или СС. Зато он блестящий тактик, хорошо чувствующий, на чьей стороне будет победа. И еще он интеллектуал, как и Розенберг, один из немногих нацистских лидеров, закончивших университет, – он доктор литературы. Но сразу же после университета его профессиональная карьера закончилась, не успев начаться. Ему не удалось получить пост литературного критика в «Берлинер тагеблат» – еврейской газете, как он ее называл. Циничный и озлобленный, он обратил свой взгляд на нацистов. В этой новой партии, испытывавшей недостаток в одаренных людях, его цинизм и способности были оценены по

достоинству. Геббельс был талантливым пропагандистом и организатором, но в первую очередь хорошо знал, как эксплуатировать «социальный» и «радикальный» аспекты партийной программы. Эти формулировки Гитлер придумал вместе с Антоном Дрекслером в 1920 году, приведя их в своей программе из двадцати пяти пунктов, где заявлял, что новая партия не просто националистическая, но и социалистическая. В этих пунктах утверждалось, что «доходы, которые не являются результатом трудовых усилий, должны быть отменены. Следует ликвидировать рабство процентов... работники должны участвовать в прибылях крупных предприятий». В ту пору Геббельс вместе с Грегором Штрассером занимался популяризацией идей первой нацистской программы.

И вот теперь, 29 июня 1934 года, Гитлер внимательно наблюдает за этим левым нацистом, своим другом, который помог ему избавиться от Штрассера и который явился к нему именно в тот момент, когда возникла необходимость сломать хребет тем, и в особенности в рядах СА, кто все еще наивно настаивает на осуществлении второй революции.

Революция чаще всего означает освобождение рабочих мест – тех мест, которые до этого были заняты другими. В Данциге, вскоре после того, как нацисты захватили власть, к Герману Раушнингу, президенту сената этого свободного города, явился один из ветеранов партии и заявил, что хочет получить высокооплачиваемую должность. Он кричал Раушнингу: «Я не хочу больше жить в нищете! Вы можете ждать сколько хотите – под вами не горит! У меня нет работы, поэтому вы дадите мне хорошую должность, и я буду держаться за нее обеими руками, поскольку не желаю возвращаться в свою прежнюю жизнь. Такие, как я, никогда не попадают наверх дважды».

Те штурмовики, которым была обещана националистическая и социалистическая революция, хотели получить все сразу. Они хотели получить то, что им обещали, поскольку среди них были и предприниматели, отпрыски крупных купеческих семей, которые мечтали о власти и богатстве и желали, чтобы революция принесла им прибыль. Более того, нацистская партия, ставшая правящей партией Германии, начинает пополняться вполне «благопристойными» людьми. Гитлер появляется во фраке, а ветеранам, вышедшим из рядов пролетариата, закрадывается в голову мысль, что те, для кого они завоевали победу, оставили их в дураках. Неудачники и недовольные, надеявшиеся выиграть от смены режима, присоединяются к старым бойцам. Они проходят медицинское обследование, принимают присягу и вливаются в ряды штурмовиков. Иногда новобранцев сразу же пускают в долю – когда убивают или арестовывают какого-нибудь человека, это означает, что его место или должность займет другой, а имущество будет распределено между штурмовиками, но и этого им было мало.

Гитлер наблюдает за Геббельсом, который рассказывает фюреру о ситуации в Берлине. Он покинул столицу в такой спешке, что не успел даже повидаться с Герингом. Геббельс полетел в Бонн, где ему сообщили, что Гитлер отправился инспектировать лагеря Трудового фронта. В Эссене он узнал, что Гитлер уехал в отель «Дреесен» в Годесберге, где собирается устроить политическое совещание. И Геббельс тут же отправился в Годесберг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.